

Белгород – Австралия – Галлиполи: История Лазаря Марголина

В декабре 1917 года, когда власть в Петрограде перешла в руки большевиков и рушился восточно-германский фронт, на стол командования Австралийской Армии в Лондоне легло прошение от командира 16 батальона Елиазара Лазаря Марголина. В связи с предстоящим отчислением его из боевых частей армии по состоянию здоровья, он просил рассмотреть возможность его назначения на службу за границу, и в качестве своей особой квалификации отмечал, что он «хорошо и говорит, и пишет по-русски».¹ Эта была неожиданная квалификация для австралийского офицера, который за три года первой мировой уже успел пройти и огонь, и воду, и медные трубы и был «отцом родным» для австралийских парней 16 Западноавстралийского батальона. Ирония ситуации была и в том, что британские военнослужащие, которые скоро были посланы в Россию, по существу шли поддержать белых, царский режим, из-за притеснений которого много лет назад еврейская семья Марголиных покинула тихий, уютный Белгород на берегу Северного Донца, и отправилась в далекий путь, в Палестину, в путь, который в конечном итоге привел Лазаря в Австралию.

Распутать связи Лазаря Марголина с Белгородом и Курской губернией и понять, что стояло за этим выбором австралийского героя - дело совсем не простое. Австралийский историк Родни Гутман в своей книге «Анзак – сионистский герой: Жизнь лейтенант-полковника Елиазара Марголина», полагает, например, что он родился Аккермане, который сейчас называется Белгородом. Но документы, заполненные рукой Марголина, показывают, что это не так. В них он старательно выводит место рождения: Bielgorod, Koorsk.² В биографии Марголина есть и еще одна важная деталь, не замеченная Гутманом. В армейских документах Лазарь указал, что его ближайшим родственником был брат Моисей Марголин, живущий в Петрограде. Анализ справочников жителей

Елена Говор. Белгород – Австралия – Галлиполи: История Лазаря Марголина // Курская губерния и куряне в первой мировой войне. Курский военно-исторический сборник. Вып. 14. – Курск, 2014, с. 43-49.

Петрограда показывает, что единственным подходящим Моисеем Марголиным мог быть Моисей Маркович Марголин (1862-1939), который получил образование в Петербургском университете, был писателем, сотрудником энциклопедии «Брокгауз и Ефрон», редактором журнала «Еврейская жизнь». Поскольку и отца Лазаря звали Марк (Мордехай) Иосиф,³ то петербургский Марголин-литератор почти наверняка был братом нашего героя. Правда родился он в 1862 г. Шклове, в Беларуси, а Лазарь родился в 1875 г. в Белгороде, но это объясняется по всей видимости тем, что их отец, получив купеческое звание, смог переехать из черты оседлости евреев, в которую входила Беларусь, в Белгород, где из евреев дозволялось жить только купцам и людям свободных профессий, например врачам.

Вскоре после рождения Лазаря в Белгороде была открыта мужская гимназия, которая стала центром культуры города. Как купец, Марк Марголин смог получить разрешение на поступление сына в гимназию, где тот проучился 6 лет, до отъезда семьи в Палестину в 1892 году. Обучение в Белгородской «Classical Gimnasium» впоследствии будет фигурировать во всех документах Марголина, вплоть до «Кто есть кто в Австралии» с биографиями знаменитых людей. Еврейские авторы, стремящиеся представить Марголина безоглядным сионистом, вынуждены с недоумением признать, что когда Марголины приехали в Палестину, шестнадцатилетний Лазарь не знал ни идиша, ни иврита, да и в еврейской религии был не силен. И действительно, русский язык был его родным языком и он вырос на русской культуре, на книгах Тургенева, Толстого и Достоевского. С их напутствием и с мечтой найти место на земле для своего страдающего народа и отправился юный Лазарь вместе с семьей в Палестину.

Территория Палестины в это время находилась под властью Турции; население ее составляли оседлые арабы и кочевники-бедуины. Еврейские колонисты стали селиться здесь, на земле своих предков, с 1880-х годов. Марголины выбрали недавно основанную колонию Реховот, которая специализировалась на выращивании винограда для отборных вин. Здесь Лазарь познакомился с идеологией сионизма, стал осваивать языки. Однако, русский язык продолжал функционировать как язык культуры в колонии. Например, Реховотская библиотека получала 7 газет на иврите, 3 газеты на русском, 2 на идише и пару на немецком и французском языках. По социальному составу значительная часть работников в колонии до приезда туда были учащимися, несколько были торговцами, в том числе торговец книгами и издатель Элиягу Левин-Эпштейн.⁴ Гилель Яффе писал о тех днях: «В Реховоте я увидел интересных людей... В рабочей столовой много молодежи, в основном, образованной, некоторые из них говорят на иврите и все без исключения в восторженном состоянии, несмотря на условия жизни, тяжелую работу и лихорадку...»

Именно таким запомнил Елиазара и его сосед по колонии бывший толстовец Моше Смилянский: «он держал мотыгу и лопату в руке как артист, [...] и пахота после первого дождя была для него радостью».⁵ А работа для городских парней, не привыкших к сельскому труду, была тяжелой. К тому же Лазарь был единственным работником в семье, и в первые годы, пока виноградники не приносили дохода, ему приходилось наниматься на поденную работу к другим фермерам (но он, впрочем, подрабатывал и преподаванием математики – опять же спасибо Белгородской гимназии!). Но кроме работы на виноградниках и интеллектуальных споров в столовой, вокруг Реховота была сложная социальная ткань восточной страны, в которую евреи пришли вслед за

своей мечтой. Тут смешались турецкие чиновники, арабские крестьяне и кочевники-бедуины. Это был своего рода «Дальний Запад» Азии, и юный Лазарь окунулся в этот мир с головой. Смилянский рассказывает, как защитив в драке сына бедуинского шейха, Марголин приобрел надежного друга, с которым они верхом кочевали по всей Палестине. Именно у бедуинов он выучился искусству обращения с лошадьми. А у друзей-арабов он научился меткой стрельбе из винтовки.⁶ «Сидит на коне, как бедуин, и стреляет, как англичанин», – вспоминали о нем местные арабы.⁷ Да, прося о новом назначении в Австралийской армии Марголин имел все основания написать: «Я прожил около десяти лет в Палестине и хорошо знаком с этой страной [...] и изнутри знаю язык, нравы и обычаи ее обитателей».⁸

...История порой любит устраивать злые шутки. В 1898 году немецкий кайзер Вильгельм II, союзник Турции, встретился в Палестине с идеологом сионизма Теодором Герцелем. Герцель вспоминает о почетном карауле, выехавшем к ним навстречу из Реховота: «И надо было видеть этих двадцать парней из Реховота, которые взвились нам на встречу на арабских конях, когда мы явились посетить их колонию. Самые рискованные наезднические штуки показывали они на своих скакунах, распевая при этом еврейские песни необыкновенной силы. [...] У нас на глазах выступили слезы, когда мы увидели эту кавалькаду, этих лихих наездников, в которых преобразились бывшие лавочники».⁹ Среди них был и Лазарь Марголин. До начала первой мировой войны еще оставалось шестнадцать лет, и двадцать лет до того дня, когда майор Марголин со своим батальоном одержит победу против кайзеровской Германии и ее союзницы Турции, и станет первым военачальником еврейского армейского подразделения со времен Бар Кохбы на земле все той же Палестины.

Но до этого ему предстояло сделать в жизни еще один крутой поворот. В 1902 году, после смерти родителей, Лазарь Марголин продал их участок земли в Реховоте, расплатился с долгами, и решил попытать счастья за океаном.¹⁰ От Палестины добираться в Австралию было не дальше, чем в Америку, и он отправился туда. Первая остановка корабля была в порту Фримантл, в Западной Австралии. Он шел по следам первых российских переселенцев из Палестины в Австралию, которые уже проторили этот путь. Без языка, они не долго задерживались в Перте, столице штата, и двигались в глубь страны, на дикий восток, где в начале 1890-х годов были открыты залежи золота, и вокруг рудников в пустыне выросли крупные города Калгурли и Кулгарди. Отправился сюда и Лазарь Марголин. Золотая лихорадка к этому времени уже кончилась, быстро разбогатеть ему не удалось, но Лазарь не боялся начинать жизнь с нуля. Работая погонщиком, разнорабочим и горняком он учил английский язык. Через два года, когда он подал заявление на натурализацию, он уже был значился торговцем овощами в городке Лолерс, лежащем среди красных австралийских холмов, таивших золото.¹¹ Эта школа австралийской глубинки осталась в нем навсегда. Владимир (Зеев) Жаботинский, встретивший Марголина в Лондоне в 1917 году, писал: «Порция его красноречия - десять слов в сутки; - его мысли - мысли человека, прожившего жизнь вдали от больших городов, в Палестине времен первых пионеров, в зарослях австралийского "буша" - at the back of beyond ("по ту сторону той стороны"), как выражаются у них в Австралии: медленные, высокие, односложные и глубокие мысли, проникнутые метким чутьем действительности».¹²

Пытаясь найти свое место под жарким австралийским солнцем, переезжая из одного городка горняков в другой, Марголин не оставлял того, к чему он почувствовал тягу в Палестине – военному делу и меткой стрельбе. К 1906 году он уже управляющий магазином в Кукине, а затем в Мензисе, и член местного клуба стрелков.¹³ На страницах местных газет то и дело появляются отчеты о стрелковых состязаниях, и имя Марголина часто среди самых метких – палестинская школа не прошла для него даром. Но показательно и то, что к этому времени он уже принят в австралийский «истэблишмент», который, не смотря на все демократические лозунги молодой Австралийской федерации, негласно присутствовал от столиц до самых отдаленных пустынных поселков и ферм. Об этом свидетельствует то, что все фамилии членов клуба в Мензисе были английскими. Но в то же время Марголина принимают в этот клуб не просто как меткого стрелка, а избирают казначеем клуба; в одном из репортажей отмечают, что он содержит всю документацию в идеальном порядке.¹⁴ Для уроженца России и еврея, который приехал в Австралию всего четыре года назад без языка, – это была особая честь, и тут несомненно сыграло свою роль его русское культурное прошлое и белгородская гимназия, где он изучал и древние, и западноевропейские языки, и математику. Члены клуба распознали в нем джентльмена, равного им по культуре. Когда в конце 1907 года он получил должность управляющего в торговой компании в Леоноре, члены клуба и его друзья устроили ему торжественные проводы, где в речах отмечались его «честность и порядочность» (качества джентльмена!), и в память о нем был учрежден специальный приз Марголина.¹⁵

В 1908 году Марголин открывает свою собственную торговую компанию по поставке оптовой продукции в поселки Нэннин и Мекатара.¹⁶ К 1911 г. он уже перебирается в Колли, городок углекопов к югу от столицы штата Перт, где он вскоре открывает производство прохладительных напитков. Однако и здесь он находит применение своим палестинским пристрастиям: его приглашают быть судьей на скачках (лошади были страстью и австралийцев!). Но в том же году он получает и более серьезное назначение. Австралийская федерация, объединившая шесть австралийских колоний, создавала свою армию, и Марголин был назначен вторым лейтенантом в Западноавстралийский пехотный полк (ЗАПП). Это была своего рода добровольная милиция, которая способствовала военной тренировке молодежи. Костяк офицеров в таких формированиях составляли австралийские участники англо-бурской войны, но, как видим, Австралии пригодился и палестинский опыт Марголина. В местной газете это назначение сопровождалось шуткой: «Елиазар Лазарь Марголин - звучит как скрип поломанного тормоза»¹⁷ - инородные имена трудно приживались на австралийской почве! Однако уже в феврале 1912 года, когда Колли посетил губернатор штата со свитой военных, на долю роты ЗАПП под командованием Марголина выпала честь нести почетный караул для высоких гостей.¹⁸ В последующие годы он продолжал участвовать в тренировках австралийских военных резервов.

Когда была объявлена первая мировая война, Марголин вступил в армию одним из первых; в чине лейтенанта его зачислили в 16 пехотный батальон, сформировавшийся в Западной Австралии. В декабре он получил чин капитана. 22 декабря 1914 его батальон в составе конвоя австралийских судов отправился в Египет, а оттуда, после недолгой тренировки, австралийские войска перебросили в Галлиполи. К этому времени Марголин командовал ротой Б 16

батальона (батальон насчитывал около тысячи человек и состоял из четырех рот).

Надо сказать, что Марголин был не единственным россиянином в австралийской армии. К началу войны в Австралии находилось несколько тысяч уроженцев Российской Империи – таких же евреев-переселенцев как Марголин, моряков из Прибалтики и Финляндии, русских, поляков, украинцев и белорусов, приехавших сюда на заработки с Дальнего Востока, осетин, трудившихся на медеплавильных заводах, политических эмигрантов, бежавших из сибирской ссылки. О судьбах уроженцев Курской губернии, оказавшихся в Австралии в эти годы, мы уже рассказывали в предыдущем очерке. На протяжении войны около тысячи из них вступили в Австралийскую армию. В 16 пехотном батальоне Марголина было, например, свыше двух десятков россиян, разбросанных по разным подразделениям, в высадке в Галлиполи 25 апреля 1915 года кроме Марголина участвовали четверо россиян из 16 батальона – литовцы Валинкевичюс и Цепкаускас и латыши Реппе и Махлит; последний был политэмигрантом.

Накануне высадки в Галлиполи Марголин писал своим друзьям в Австралии: «Сейчас мы очень близки к настоящему делу и ждем, что через пару дней начнется горячая работа!»¹⁹ И работа скоро началась. В Австралийском военном мемориале сохранился дневник сигнальщика 16 батальона Элиаса Силаса, бывшего рядом с Марголиным в первые, самые кровопролитные дни после высадки. В мирной жизни Силас был художником, и это сказывается на экспрессионистской манере, в которой он ведет дневник. Через пару дней после высадки, под постоянным артиллерийским обстрелом, он записывает:

«Поднимается бледная луна – враг может атаковать наши окопы в любую минуту, а у нас нет резервов. Я прошу капитана Марголина позволить мне углубить его окоп, чтобы сделать его более безопасным, поскольку каждый раз, когда он поднимается, чтобы отдать приказ, ему приходится высовываться из окопа. После долгих уговоров он соглашается, но в то же время спрашивает меня, закончил ли я рыть свой окоп. Однако, только я обезопасил его позицию и разместил вокруг несколько кустов, чтобы немного замаскировать его, [...] как его ранило пулей в рот.

– О боже! – воскликнул я. – Они в вас попали, сэр?

– Да! – закричал он. – Они меня наконец накрыли.

Но когда прошел первый шок, он сказал мне:

– Я думал, что это все, Силас; что делать? Нельзя, чтобы ребята увидели, что меня ранили».

И, несмотря на уговоры Силаса отправиться на перевязку, Марголин хватает винтовку, потому что турки вот-вот могут ворваться в окоп. А когда все немного затихает, Марголин уговаривает Силаса, который не спит уже несколько дней, поспать.²⁰ Характерно, что в послужном списке Марголина сведений об этом ранении нет – он так и не оставил свой пост. Через несколько дней, 2 мая, во время боев за Кровавый угол, Марголин был ранен в руку, но уже 5 мая вернулся в окопы, он не мог оставить своих ребят.²¹ О событиях этого же боя узнали друзья Марголина и вскоре в местной газете появилось сообщение: «Капитан Марголин взял на себя командование людьми, когда старший офицер был убит, и провел операцию великолепно. Он давал четкие приказания и продвигался вперед. Он остался в окопе после ранения в руку. Он открывал консервы и пуля пробила сначала банку, а потом его руку. В то время

как доктор Мак-Грегор перевязывал ему рану, его тоже ранили – они не обращают внимания на Красный Крест».²²

9 мая, во время боев за Королевский пост, 30 солдат 16 батальона под командованием Марголина бросились на помощь атакующему 15 батальону. Они понесли тяжелые потери. Сам Марголин выжил чудом – пуля попала ему в грудь, но, к счастью, как раз в то место, где в нагрудном кармане у него лежал толстый блокнот. Это и спасло его жизнь.²³ Силас, рассказывая о событиях этого дня, писал: «Я очень надеюсь, что наш дорогой старина Марджи (капитан Марголин) не будет убит; он замечательный человек и несравнимый смельчак». А вокруг гремел ад. Солдаты 16 батальона, продвинувшиеся вперед, залегли у парапета окопов 15 батальона – внутри окопов уже не было места, – их косил шквальный огонь противника. «Мои бедные парни, – в отчаянии говорит Марголин, – они все погибнут; если бы только я мог их отозвать обратно». Силас вызвался передать его приказ. Шесть раз Силас пробирался через полосу огня, добиваясь выполнения приказа Марголина: «Передай Харвуду, чтобы он вывел их обратно, они там не нужны, для них нет места; я не хочу терять моих мальчиков за зря».

На рассвете следующего дня Силас набрасывает один из своих самых известных рисунков «Поверка». Одно за другим звучат имена, а в ответ – тишина, лишь горстка выживших стоит, опираясь на винтовки. Офицер, проводящий поверку, скорей всего и есть Марголин.

В этом бою погиб лучший друг Марголина капитан Курльюис. Вечером Марголин с Силасом сидят в окопе. Тяжелый запах разлагающихся тел висит в воздухе. «Я предлагаю капитану Марголину сигарету; хотя он и не курит, я думаю, ему надо попробовать.

– Хорошо, Силас, – говорит он, – я попробую, посмотрим, как пойдет. – Он все еще не пришел в себя после гибели Курльюиса. – Силас, я слышу голос Курли, – бормочет он...».²⁴

...Кем чувствовал себя Марджи в те тяжелые дни – русским, выросшим на русской гуманистической литературе под опекой учителей Белгородской

гимназии, или евреем, ставшим воином и обретшим свои корни на древней земле Реховота? Нет, в тот момент прежде всего он был австралийцем, таким же как эти парни с западноавстралийских ферм и шахт, верных воинской присяге и готовых положить свою жизнь за своих друзей. Не удивительно, что солдаты любили этого немолодого человека с русским акцентом как родного отца, ласково называя его «старина Марджи». Рядовой Ф. Коллинс из его полка писал родителям после возвращения из госпиталя: «Наш старый добрый капитан Марголин был ранен три раза, но держится молодцом и не теряет бодрости».²⁵ Об этом писал и Жаботинский в своем «Слове о полку»: «Крупный, широкоплечий человек, молчаливый, солдат с головы до ног, у себя в батальоне и царь, и отец, и брат для своих boys; притом изумительный хозяин и организатор».²⁶

После майских боев Марголин получил чин майора, в сентябре он был назначен командующим 16 батальона. За успешно организованную им оборону занятых рубежей во время сентябрьских и последующих боев и блестяще выполненную эвакуацию войск в конце декабря Марголин был награжден Орденом за выдающиеся заслуги (D.S.O.) Эта аббревиатура в дальнейшем, как почетный титул, добавлялась к его имени. В эти декабрьские дни 1915 года, командование союзников, положив тысячи жизней, решило покинуть берега Галлиполи. Вывод войск осуществлялся тайно, турки оставались в неведении об проводившейся операции. В письме друзьям в Австралии Марголин писал: «Вы наверняка уже знаете из газет как мы ускользнули у врага из-под носа (на расстоянии нескольких ярдов) не потеряв ни единого человека. Мне выпала честь одному из последних покинуть окопы».²⁷ Марголин не написал своих воспоминаний о войне, но о нем, уже десятилетия спустя, продолжали вспоминать его солдаты. Одна из последних галлиполийских баек была посвящена все тому же выводу войск: «Когда все благополучно эвакуировались, он выстроил нас и сказал: “Отпуск вам не полагается, но будь я солдатом, я бы слинял”. Второй раз этот намек повторять солдатам не пришлось».²⁸

Войска с Галлиполи вывели в Египет, откуда Марголин со своим 16 батальоном, получившим свежие подкрепления из Австралии, был направлен на Западный фронт. В 1917 году он временно командовал 14 батальоном. Несколько лет спустя, уже после окончания войны во время дебатов в Австралийском парламенте, сенатор Эллиот, бывший военный, в своем выступлении раскритиковал назначение Марголина командиром 14 батальона в 1917 году, охарактеризовав его как «неграмотного польского еврея, который не мог даже говорить по-английски» и высокомерно заключил: «Я не знаю, откуда взялся этот еврей, но он никогда не ходил в бой с этим батальоном». В защиту доброго имени Марголина выступили многие его сослуживцы и начальники, включая самого командующего Австралийской армией Джона Монаша. В частности, сенатор Дрейк-Брокман заявил: «Мне никогда не доводилось служить с более смелым джентльменом, чем этим самым евреем. Этот человек был героем. Действительно, его манера речи несколько отличалась от общепринятой, но он говорил хорошим английским языком с небольшим иностранным акцентом. Этот «неграмотный» еврей мог не только очень хорошо говорить по-английски, но он свободно говорил по-французски, по-немецки, по-русски, на своем идише, да еще на «гиппо».²⁹ Под «гиппо» сенатор имел в виду арабский (египетский) язык, а вот французский и немецкий у Марголина несомненно были из Белгородской гимназии!

Вскоре судьба привела Марголина обратно в Палестину. В конце 1917 году, когда он лежал в Лондонском госпитале с травмой ноги, планы создания Британского еврейского полка стали реальностью. Сионский корпус погонщиков мулов, который включал много русских евреев и воевал вместе с анзаками в Галлиполи как часть Корпуса анзаков, стал основой Еврейского полка, сформированного в составе Британской армии. Он состоял из трех батальонов королевских фузилеров. Марголина по его просьбе перевели в Британскую армию и он принял командование 39 батальоном королевских фузилеров, в котором было много еврейских добровольцев из Америки и евреев-эмигрантов из России. Батальон Марголина был послан в Египет в апреле 1918 г. В сентябре 1918 г. он вместе с кавалерией анзаков участвовал в наступлении на северную Палестину.

После заключения мира Марголин остался в Палестине. В 1919 г. он организовал и возглавил Первый еврейский батальон Иудеи, который оставался частью Британской армии. Марголин пользовался в Палестине большой популярностью и вскоре был назначен губернатором Иерусалима. Во время арабского восстания в мае 1921 г. Марголин со своим батальоном пытался предотвратить еврейские погромы. Он сделал это без санкции британских властей и чуть не попал под трибунал, но, разобравшись в чем дело, англичане дали ему почетное увольнение из армии с условием покинуть страну.³⁰ Любопытны взгляды Марголина на события в Палестине того времени. Исходя из своего многолетнего опыта он был уверен, что «Нет такой вещи как религиозная ненависть и даже расовая ненависть между арабами и евреями, живущими в Палестине». Причину разгоравшегося конфликта он видел в политике британской администрации, не понимающей местных условий, и в узких интересах торгово-помещичьей прослойки арабских верхов.³¹ Как знать, не будь он выслан из Палестины, может быть события там развивались бы по другому сценарию... Но ему ничего не оставалось, как покинуть бурлящую страну и в октябре 1921 года вернуться в Австралию.

Здесь его с распростертыми объятиями приняли его соратники. Австралийский журнал писал о нем: «Его сердце принадлежало Западной Австралии, и сюда он вернулся, здесь он делал деньги в моторном бизнесе, став одним из столпов местных организаций ветеранов. Отзывчивый на чужую беду и щедрый до безрассудства, “Марджи” всем был нужен. Он являлся вице-президентом отделения Лиги ветеранов Западной Австралии, одним из основателей Пертского Клуба фронтовиков и президентом Ассоциации 16 батальона».³² Каждый год в День Анзака, 25 апреля, он возглавлял парад фронтовиков по улицам Перта, а сбор ветеранов всегда происходил у «гаража Марголина». Отсюда же автобусы Марголина везли ветеранов-инвалидов. Последний раз он провел поредевшие ряды своих соратников в 1944 году, за несколько недель до смерти.

Многие австралийские издания откликнулись на его внезапную кончину. В один голос они говорили о том, что «Хотя он и родился за пределами Британской империи, полковник Марголин был настоящим британцем»³³. Однако в газетах можно найти и дугие акценты, в которых фигурировала связь Марголина с Россией, а она была у всех на устах, ведь шла вторая мировая война в которой Австралия и Россия были снова союзниками: «Тех, кто видел полковника Марголина под огнем, не удивят мужество и упорство с которыми русские армии громят нацистские орды»;³⁴ «Возможно, он был величайшим евреем в военной истории Австралии, которого можно поставить рядом с

главнокомандующим Монашем. В его характере сплелись свойства еврейских маккабеев и непоколебимое суровое мужество его родной России».³⁵

Марголин, казалось бы, являет собой пример блестящей ассимиляции. Но оказалось, что он завещал похоронить свой прах в земле Израиля. Когда его вдова-австралийка в 1949 г. отвезла его прах на землю Израиля, ее встретил почетный караул, который сопровождал ее от Хайфы через Тель-Авив, Сарафанд до Реховота, где Марголин был похоронен рядом с родителями. Среди пришедших проститься с ним был Давид Бен Гурион, премьер-министр Израиля, который сражался когда-то в еврейском батальоне под командованием «Марджи».³⁶

---

¹ Margolin E.L. – National Archives of Australia (NAA), B2455.

² Eliazar Margolin – Naturalization. – NAA, A1, 1904/6208.

³ Margolin. - *Who's Who in Australia, 1938*, Melbourne, 1938, p. 348.

⁴ Меерович, М.Г. Описание еврейских колоний в Палестине, Одесса, 1900, с. 63.

⁵ Цит. по R. Gouttman, *An Anzac Zionist Hero: The Life of Lt-Colonel Eliazar Margolin*, London, 2006, с. 22.

⁶ Gouttman, с. 22-23.

⁷ В. Жаботинский, *Слово о полку*, гл. 8.

⁸ Margolin E.L. – NAA, B2455.

⁹ Т. Герцель, Сионистские статьи. СПб., 1914, с. 173; *The complete diaries of Theodor Herzl*, New York, т. 2, с. 742.

¹⁰ Gouttman, с. 25.

¹¹ Eliazar Margolin – Naturalization. – NAA, A1, 1904/6208.

¹² Жаботинский, *Слово о полку*, гл. 15.

¹³ Australia, Electoral Rolls – база данных Ancestry.com

¹⁴ Menzies rifle club. – *Kalgoorlie Miner*, 15.01.1906, 4.08.1906, 26.01.1907,

¹⁵ Menzies. – *Kalgoorlie Miner*, 8.11.1907, 30.11.1907.

¹⁶ Margolin and Company, LTD. – *The West Australian*, 1.07.1908.

¹⁷ *The West Australian*, 2.11.1911; *Sunday Times*, Perth, 12.11.1911, 3.12.1911.

¹⁸ Vice-regal visit to Collie. - *The West Australian*, 23.02.1912.

¹⁹ Capt. E. Margolin. – *Geraldton Guardian*, 3.06.1915.

²⁰ Silas, Ellis. – Australian War Memorial, 1DRL/0566.

²¹ Margolin E.L. – NAA, B2455

²² Personal Items. - *Geraldton Guardian*, 22.07.1915.

²³ C. Longmore, *The old Sixteenth: being a record of the 16th Battalion, A.I.F., during the Great War, 1914–1918*, Perth, 1929, с. 57.

²⁴ Silas, Ellis. – Australian War Memorial, 1DRL/0566.

²⁵ From our boys at the front. – *South Western Advertiser*, 1.10.1915.

²⁶ Жаботинский, *Слово о полку*, гл. 8.

²⁷ Personal Items. - *Geraldton Guardian*, 17.02.1916.

²⁸ Passing by. – *News*, Adelaide, 27.03.1940.

²⁹ 14th Battalion command. – *The Argus*, 6.05.1921.

³⁰ S. Welborn, 'Margolin, Eliezer', В кн.: *Australian Dictionary of Biography*, Melbourne, 1986, т.10, с. 408–09.

³¹ Jewish opinion. – *West Australian*, 28.08.1929.

³² *Bulletin*, Sydney, 28.06.1944

³³ Col. Margolin dies. - *The Daily News*, 2.06.1944

---

³⁴ Striking tribute to old comrade. - *The Daily News*, 5.06.1944

³⁵ Farewell "Margy"! - *Sunday Times*, 4.06.1944

³⁶ S. Welborn, 'Margolin, Eliezer', c. 409.